

УДК 343.85

Проблемные вопросы соотношения карательной и исправительной функций уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на современном этапе

Гирийчук Владимир Васильевич,

кандидат юридических наук, преподаватель цикла специальных дисциплин,
ФКУ ДПО ДМУЦ ФСИН России. Россия, г. Уссурийск.
E-mail: girichuk67@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается фундаментальное противоречие уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, заложенное в самой ее природе – конфликт между функцией кары и функцией исправления. Анализируются современные проблемные вопросы, обостряющие данное противоречие: последствия сокращения численности спецконтингента, трансформация функций уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, внедрение института пробации, проблемы цифровизации. Предлагаются пути смягчения обозначенных противоречий через совершенствование законодательства, перераспределение ресурсов и изменение философии пенитенциарной практики.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, принуждение, наказание, исправление, ресоциализация, пробация, преюдиции, цифровизация.

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации (далее – УИС) на протяжении последних десятилетий пребывает в состоянии перманентного реформирования. В центре дискуссий теоретиков и практиков неизменно находится проблема соотношения двух базовых начал в деятельности учреждений, исполняющих наказания: принуждение и исправление. С одной стороны, наказание, по определению, является мерой государственного принуждения за совершенное преступление, выражающейся в лишениях и ограничениях прав и свобод осужденного. С другой стороны, ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) провозглашает своей целью исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений [10].

Данная дихотомия порождает ряд трудноразрешимых вопросов. Как обеспечить режим, подразумевающий изоляцию и строгий контроль, и одновременно готовить человека к жизни в свободном обществе? Как сотрудник УИС, основная функция которого долгое время сводилась к надзору и охране (карательный элемент), может стать социальным работником и психологом (исправительный элемент)? Поиск ответов на эти вопросы определяет актуальность данной статьи, а цель – выявить ключевые проблемные точки столкновения карательной и исправительной функций УИС в современной России и предложить пути разрешения данных противоречий, опираясь на труды ведущих российских ученых.

Вопрос о целях наказания всегда был центральным в пенитенциарной науке. Исторически сложилось два подхода: приоритет возмездия (кары) и приоритет исправления (перевоспитания). Как отмечал еще в начале XX века профессор С. В. Познышев, «пенитенциарная наука должна искать пути к примирению требований справедливого возмездия с целями исправления преступника» [7, С. 4]. В советский период идея исправления трудом была возведена в абсолют, но на практике часто оборачивалась усилением эксплуатации осужденных, что также являлось формой скрытой кары.

Современный российский этап пенитенциарной политики характеризуется попыткой найти баланс. А. И. Рарог подчеркивает, что «кара – это не самоцель, а средство достижения целей исправления и предупреждения преступлений. Однако исключить кару из содержания наказания невозможно, так как это лишит наказание его сущности» [3, С. 137]. Это означает, что противоречие между карой и исправлением является имманентным (внутренне присущим) УИС.

Двойственность задач закреплена законодательно. С одной стороны, Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 определяет задачу обеспечения охраны правопорядка и безопасности, изоляции осужденных (карательный компонент) [2]. С другой стороны, тот же закон и УИК РФ говорят об организации социальной работы, психологического сопровождения, общего и профессионального образования. Карательная функция реализуется главным образом в режиме отбывания наказания, тогда как исправительная функция – в применении средств исправления (воспитательная работа, общественно полезный труд, получение образования, социальное воздействие). Конфликт возникает, когда средства режима начинают доминировать и блокировать возможность реализации исправительного воздействия.

Современная уголовная политика России характеризуется устойчивой тенденцией гуманизации. Это привело к беспрецедентному сокращению численности осужденных в местах лишения свободы. Так, по сравнению с 2024 годом численность осужденных сократилась на 11,26 % и на 1 января 2025 года составила 313304 человек [4]. Казалось бы, гуманизация и сокращение «тюремного населения» должны способствовать усилению исправительной функции. Однако исследователи видят здесь ряд проблем.

Во-первых, сокращение объемов работы УИС (меньше осужденных – меньше нужно сотрудников УИС и исправительных учреждений) привело к попыткам системы «самосохраниться» путем расширения функционала, и соответственно основным методом противодействия сокращению объема выполняемых УИС работ стало расширение своего функционального назначения [9, С. 16]. Расширение происходит за счет перераспределения ресурсов на иные участки, путем наделения УИС дополнительными функциями, главная из которых – пробация.

Здесь кроется противоречие: система, исторически ориентированная на карательный функционал (режим, надзор, охрана, конвоирование), пытается освоить совершенно новые, паллиативные, социальные функции без кардинальной смены кадрового состава и менталитета сотрудников.

Усиление исправительной функции ознаменовало принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» [12] и явилось знаковым событием. Пробация по своей сути является антиподом кары. Однако ее внедрение в структуру ФСИН России вызывает серьезные вопросы.

Исследователи указывают, что наделение УИС функциями пробации – это вынужденная мера, направленная на сохранение системы. Возникает риск, что пробация будет реализовываться карательными методами. Как пишут В. И. Селиверстов, В. В. Степанов и П. А. Филиппов, «расширение функционального назначения осуществилось путем перераспределения ресурсов (в том числе кадровых) и ответственности на иные участки деятельности» [9, С. 16]. Уголовно-исполнительные инспекции, которые и так перегружены, должны будут не просто контролировать условно осужденных, но и заниматься их социальным сопровождением. Здесь необходимо привлечение в систему пробации не только сотрудников ФСИН России, а в соответствии с законодательными актами и независимых специалистов по социальной работе. Вовлечение институтов гражданского общества – важнейший фактор смягчения карательного крена.

Кроме того, перспективным выглядит внедрение программ восстановительного правосудия (медиации) в пенитенциарных учреждениях. Это позволяет осужденному осознать вину не формально (отбыл кару), а реально (загладил вред перед потерпевшим), что является сутью исправления.

Преодоление этих проблемных вопросов потребует проведение системной работы по трансформации всей системы. В первую очередь – личности сотрудника УИС. Это подразумевает изменение стандартов обучения в ведомственных вузах ФСИН России. Повышение престижа социальной и психологической работы внутри УИС. Сотрудник, занимающийся ресоциализацией, должен иметь равный, а возможно, и более высокий статус, чем сотрудник режимной службы. УИС, где сейчас доминирует надзорная парадигма, и это главный проблемный вопрос современности.

Во-вторых, ухудшение криминологической характеристики спецконтингента. Парадоксальным образом гуманизация привела к усложнению исправительной работы. За счет освобождения от наказания или замены его более мягкими видами лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, в колониях концентрируются наиболее криминально пораженные элементы – рецидивисты, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления. В настоящий момент происходят изменения в качественном составе спецконтингента, ухудшение которого детерминировано сокращением числа осужденных, подозреваемых и обвиняемых на фоне роста количества лиц, привлекаемых и привлеченных к уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [6, С. 10].

Работать с таким контингентом исключительно педагогическими методами и заниматься их исправлением крайне сложно. Это вынуждает администрацию ужесточать режимные требования (усиление кары), что вступает в конфликт с декларируемыми целями ресоциализации.

В-третьих, проблемы совершенствования нормативной правовой базы, в части обязанности правоприменителя принять уже установленные факты. Данный аспект рассматривают А. Я. Гришко и Д. С. Даланов в монографии, посвященной преюдициям в уголовно-исполнительном праве. Они анализируют, как нормы, имеющие преюдициальный характер (например, признание лица особо опасным рецидивистом), влияют на процесс исправления. С одной стороны, это усиливает карательный элемент. С другой – может стимулировать исправление, если установить, что снятие такого статуса возможно только при определенных положительных изменениях осужденного [1, С. 80]. Необходимо внедрение механизмов, позволяющих преюдициальным нормам работать на исправление, например, создание правовых стимулов для изменения статуса осужденного в зависимости от его поведения. Это пример того, как можно «карательный», по сути, институт обратить на службу исправлению, но это требует тонкой законодательной настройки.

Есть предложения по дифференциации условий отбывания наказания, тем самым снять обострение противоречия из-за концентрации рецидивных преступников. В связи с чем нужно создавать больше «бесконвойных» участков, колоний-поселений при строгих режимах, куда осужденные могли бы переводиться в качестве поощрения за реальное исправление. Это позволит реализовать принцип прогрессивной системы отбывания наказания, где кара сменяется исправлением по мере приближения к освобождению.

В-четвертых, цифровизация несет как новые возможности, так и старые риски. Цифровая трансформация УИС рассматривается как перспективный путь повышения эффективности управления. Так, Н. И. Улендеева и С. В. Озерский подробно рассматривают вопросы внедрения цифровых технологий для учета спецконтингента и обеспечения безопасности [11, С. 39].

Однако и здесь проявляется двойственность. Цифровизация может быть использована для тотального контроля (усиление кары через электронные браслеты, системы видеонаблюдения с распознаванием лиц). Но она же может служить и целям

исправления, а именно позволять осужденным поддерживать социально-полезные связи (дистанционное обучение, видеосвязь с родственниками, электронные сервисы подачи заявлений).

Проблема в том, что пока развитие цифровой инфраструктуры направлено в первую очередь на обеспечение безопасности и надзора, а не на социальную работу [11, С. 71]. Системы контроля должны быть инструментом, позволяющим снижать карательное давление на тех, кто не склонен к побегу, а не просто средством тотального надзора. В настоящее время технологический прогресс обслуживает карательную функцию в ущерб исправительной.

В-пятых, проблемным выступает вопрос, связанной с соблюдением прав лиц, содержащихся под стражей и отбывающих наказание. Политика гуманизации сталкивается с суровой реальностью, существующей до сих пор, например, переполненности следственных изоляторов в ряде регионов, хотя общее количество заключенных при этом и снижается [5, С. 2].

Кроме этого, наблюдается нарушение условий содержания (нормы площади, качество питания, медобслуживания) – это реализация «теневой» кары, которую закон не предусматривал, но которая возникает из-за несовершенства системы. Пока условия содержания не будут приведены в соответствие со стандартами, говорить о полноценном исправлении и уважении к закону со стороны осужденных невозможно. В этой связи Е. Н. Карабанова и А. Г. Чобанаян подчеркивают важность прокурорского надзора за соблюдением прав в УИС, так как без этого карательная функция неизбежно подавляет исправительную [3, С. 153].

Таким образом, диалектика кары и исправления – неразрешимое до конца противоречие, но именно в его преодолении заключается суть уголовно-исполнительной политики. Российская УИС находится в сложном положении: с одной стороны – общество и государство требуют гуманизации и исправления, с другой – сама система инерционна и исторически тяготеет к карательным методам.

Проблемные вопросы, такие как адаптация к сокращению контингента, внедрение пробации, ухудшение состава осужденных, риски цифровизации и правовые коллизии, обостряют это противоречие. Однако в них же кроются и пути решения.

Ответы на вызовы лежат в плоскости изменения философии деятельности УИС: от «охраны и изоляции» к «безопасности и ресоциализации». Как показывают исследования российских ученых, для этого нужны комплексные меры: совершенствование законодательства (от профилактики до пробации), перераспределение кадровых и финансовых ресурсов, переориентация цифровизации на социальные цели и активное включение институтов гражданского общества. Только так можно превратить неизбежную кару не в самоцель, а в стартовую площадку для возвращения человека в общество законопослушным гражданином.

Список литературы

1. Гришко А. Я., Даланов Д. С. Преюдиции в уголовно-исполнительном праве: монография. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 128 с.
2. Закон РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 21.07.1993 № 5473-1 // Ведомости СНД и ВС Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.
3. Карабанова Е. Н., Чобанаян А. Г. Прокурорская деятельность по профилактике правонарушений в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 3 (148). С. 146-156.
4. Количество заключенных. Страны – статистика по годам. – URL: <https://statbase.ru/datasets/criminality/persons-held-in-prisons-count/> (дата обращения: 16.03.2026).
5. Москалькова Т. Н. Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав лиц, находящихся под стражей // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 1. С. 2-6.

6. Овчинников О. М., Кашкина Е. В. Объявление официального предостережения в условиях УИС: проблемные вопросы законодательного регулирования // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 2. С. 7-11.

7. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М.: Мосполиграф, 1923. – 342 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009167568 ?page=7&rotate=0&theme=white (дата обращения: 16.03.2026).

8. Рапог А. И. Цели наказания в науке уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 125-139.

9. Селиверстов В. И., Степанов В. В., Филиппов П. А. Расширение функционального назначения уголовно-исполнительной системы в контексте принятия федерального закона о пробации // Административное право и процесс. 2024. № 11. С. 13-17.

10. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

11. Улендеева Н. И., Озерский С. В. Цифровая трансформация деятельности УИС: особенности реализации и перспективы: монография / Самарский юридический институт ФСИН России. – Самара, 2024. – 107 с.

12. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 6. Ст. 917.